ПРИТЧА О ВОРОНѢ.

Въ сказкахъ и притчахъ всегда говорится, коли вы слыхали, что орелъ правитъ птичьимъ царствомъ и что весь народъ птичій у него въ послушаніи. Пусть же такъ будетъ и у насъ; орелъ всѣмъ птицамъ голова, онъ имъ начальникъ. Волостнымъ писаремъ, при немъ, сорокопулъ, а на посылкахъ всѣ птицы поочередно, и на этотъ разъ случилась ворона. Вѣдь она хоть и ворона, а все–таки ей отбыть свою очередь надо. Голова вздремнулъ, наѣвшись досыта, позѣвалъ на всѣ четыре стороны, встряхнулся и, со скуки, захотѣлъ послушать хорошихъ пѣсенъ. Закричалъ онъ разсыльнаго; прибѣжала въ–припрыжку ворона, отвернула учтиво носъ въ сторону и спросила: «Что–де прикажешь?» — Поди, сказалъ голова, позови ко мнѣ скорёшенько что ни есть лучшаго пѣвчаго; пусть онъ

убаюкаетъ меня, хочу послушать его, вздремнуть и наградить его.

Подпрыгнула ворона, каркнула и полетѣла, замахавъ крыльями, что тряпицами, словно больно заторопилась исполнить волю начальника; а отлетѣвъ немного, присѣла на сухое дерево, стала чистить носъ и думать: какую–де птицу я позову? Думала, думала и надумалась, что ни кому не спѣть противъ роднаго дѣтища ея, противъ вороненка, и притащила его къ орлу. Орелъ, сидя вздремнулъ–было между–тѣмъ самъ про себя маленько и вздрогнулъ, когда вороненокъ вдругъ принялся усердно каркать, сколько силъ доставало, а тамъ сталъ повертывать клювомъ, разѣвая его пошире, и надсѣдался всячески, чтобы угодить набольшему своему. Старая ворона покачивала головой, постукивала ножкой, сладко улыбалась и ждала большой похвалы и милости начальства; а орелъ спросилъ, отшатнувшись: «это что за набатъ? рѣжутъ, что ли, кого, аль караулъ кричатъ?» — Это пѣсенникъ, отвѣчала

ворона, мой внучекъ; ужъ лучше этого хоть не ищи, государь, по всему царству своиму не найдешь.

Всякъ наровитъ своему; всякъ самъ для себя и краше и лучше.